

ПОСЛЕ БЕСЛАНА: ПЕССИМИЗМ В КОНТЕКСТЕ PR

К.В. Киселев

Константин Викторович Киселев,
кандидат философских наук,
председатель Совета Уральской гильдии
политических консультантов

В очередной раз миллионы людей в ужасе плакали. Плакали, сидя у телевизоров и ловя каждое новое сообщение из Беслана. Плакали от жалости, от потрясения, от ненависти, от бессилия, от непонимания. В очередной раз миллионы готовы были отдать себя в обмен на захваченных детей. В очередной раз миллионы задавали себе вечные вопросы: о жизни и смерти, об их ценности и цене, о счастье и любви, о суетности и вечности. И в очередной миллион раз сказали, что страна стала другой. И поначалу в очередной раз казалось, что так оно и есть, что так и будет.

Но прошло всего (или уже?!) две недели со дня начала трагедии...

О ситуации в Чечне

В своей речи В.Путин ни разу не упомянул о Чечне и, тем более, о чеченских корнях бесланской трагедии. Почему? Причины лежат на поверхности:

Во-первых, после только что прошедших выборов акцентировать внимание на том, что чеченские боевики террористы по-прежнему способны на самые разрушительные действия, значит — признать слабость чеченской власти, а прошедшие выборы псевдодемократическим фарсом;

Во-вторых, чеченским боевикам было показано, что, несмотря на любые их действия, им не позволят встать во всероссийскую повестку дня, не позволят сделать чеченские события повесткообразующими;

В-третьих, говорить о Чечне президенту, который давно уже должен был «замочить в сортирах» всех боевиков-террористов — значит признать свою собственную слабость.

Этих причин оказалось достаточно, чтобы Чечня осталась «за бортом» президентского обращения. Однако, простое замалчиванием чеченских следов общественное мнение едва ли изменит. Поэтому пропагандистскую проблему власть пытается решить, возложив ответственность на две наиболее одиозные фигуры чеченского террористического движения: А.Масхадова и Ш.Басаева. В этой логике

остальные чеченцы, и мирные, и воинствующие, оказываются как бы не причем.

Такая пропагандистская политика вполне в русле реализуемой в Чечне стратегии, которая может быть описана классическим: разделяй и властвуй. Или в более мягкой формулировке: проблемы Чечни должны решить сами чеченцы и не только за счет остальных россиян. Отсюда попытка властной легитимации отдельных кланов, отсюда все заигрывания с группировкой Кадырова и т.п.

Стратегия далеко не нова. Ирак, Югославия, Афганистан, Грузия. Всюду применялась именно эта стратегия. Иногда она оказывалась успешной, иногда нет. В нашей ситуации эта стратегия приносит некоторые позитивные для России в целом результаты.

Основная проблема в том, что, действуя таким образом, власть может, во-первых, быть непонятой большинством российского общества, во-вторых, может стать заложником той силы в Чечне, на которую она делает ставку. Не факт, что завтра те люди, которых власть простила, которых наградила и одарила и которые ей сегодня и служат, завтра не обернут это же оружие против власти. Если сегодня младшему Кадырову позволено многое, то не факт, что он удовольствуется этим многим. Завтра он и люди, которые стоят за ним, вполне могут пожелать еще большего.

Другое дело, что иной стратегии власть породить не в состоянии. И издержки этой стратегии мы получаем уже сейчас. Например. Я не уверен, что нужно было называть улицу в Москве именем Кадырова. Более того, я уверен в обратном. Делать этого было просто нельзя. Никакой целесообразностью этого не оправдать. Ибо символы такого рода работают не на уровне политики, а на уровне нравственности. Разлагая нравственность общества, власть совершает стратегическую ошибку, исправить которую можно будет только через десятилетия, через поколения. И естественно, что, следуя логике целесообразности, нужно забыть о логике гражданского общества.

О Басаеве, Масхадове и прочих

Не могу сказать, что они обречены. Но то, что у власти остается практически единственный шанс для собственной реабилитации в глазах общественного мнения, и этот шанс заключается в поимке или уничтожении Басаева и (или) Масхадова, есть факт. И для использования этого шанса будут приложены все усилия. То, что уже сегодня, откредитившийся от теракта в Беслане А.Масхадов через подконтрольные ему Интернет-ресурсы начинает «жаловаться» на «репрессии» в отношении своих родственников и свойственников, тому косвенное свидетельство.

Можно также предположить, что в безопасности себя не могут чувствовать ни А.Закаев, ни иные союзники-пособники лидеров чеченского терроризма. И вполне возможно, что именно они и будут выбраны в качестве целей для превентивных ударов российских спецслужб.

Однако, уничтожение отдельных лидеров чеченских боевиков, решая проблему успокоения общественного мнения и реабилитируя власть,

проблему Чечни не решит. Более того, вполне вероятно, что после обезвреживания Масхадова и Басаева начнется борьба за их властное наследство, которая в свою очередь вызовет новую волну террористической активности. И проклинать в России будут новые имена.

О войне

После захвата боевиками Бараева «Норд-Оста» нынешний министр обороны заявил, что против России начата война. И страна начала жить в состоянии войны. Потом, правда, об этом забыла. Привыкла.

Прошло два года. И вновь Иванов заявляет о начале войны против России. Позвольте спросить: «речь идет о разных войнах? Или об одной? Скорее всего, об одной. Но если стране было позволительно забыть о начале войны, то министр обороны должен был об этом помнить всегда, ибо сражаются и защищают страну на военных фронтах он и его подчиненные. И совершенно справедливо замечает Ю.Крупнов: «Предположим, что два года назад наступил условный 1941-й год — но сейчас-то на дворе уже «43-й». Пора бы наступить «коренному перелому». Но пока Сталинград «они» устраивают нам, а не мы «им». В 43-м министра обороны, который забыл бы о том, что война уже длится два года или который проиграл бы Сталинградское сражение, просто-напросто бы расстреляли, сейчас время изменилось. Можно уверенно сказать, даже выговор не обяжут.

Почему? Все просто, *элита не воспринимает то, что творят с народом террористы как нечто экстраординарное, ибо в мирной жизни о народе и людях думает не часто*. В результате все слова о войне остаются только словами, демонстрирующими твердость и незыблемость власти, ее виртуальную решительность в борьбе со злом всех мастей.

Впрочем, заметим, что и пропагандистскую войну власть проигрывает, ибо до сих пор не смогла даже идентифицировать противника! Ведь он так и не был назван. Одиночки-смертники, демонизированные Басаев с Масхадовым, абстрактные международные террористы, олицетворением абстрактности которых является якобы убитый якобы негр, на роль противника в войне, уже дважды объявленной России, едва ли годятся. И в качестве виртуальных противников, и в качестве реальных. Слишком дорогую цену платят люди.

Все это есть свидетельство и того, что военная форма, о которой так много говорили ответственные лица, включая министра обороны, не проводится или проводится бездарно, и того, что военная стратегия России такова, что у нее нет вразумительно сформулированных целей и приоритетов.

И, наконец, разговоры о войне вполне могут использоваться властью для обоснования своих действий по перераспределению бюджета в пользу силовых ведомств, по ограничению прав и свобод и т.п. Война оправдывает все или почти все, а потому разговоры о войне выгодны власти. Когда я слышу слово «война», я знаю, что мной пытаются манипулировать.

О правоохранительных органах

Профессиональную оценку действий силовиков во время теракта могут дать только профессионалы. Можно ли было сработать более эффективно? Не знаю. Хочется думать, что было сделано все возможное. Безнравственно было бы обвинять в чем-то людей, которые жертвовали собой, шли на

смерть ради спасения и детей, и взрослых. Слава им. Но есть и другие «правоохранители», те, с которыми мы сталкиваемся постоянно и которые на самом деле и допустили возникновение такой ситуации. И не в первый раз. Это и милиция, и хваленая ФСБ, и суды, и прокурорские и т.д. Имя им легион.

Даже не специалисту понятно, что десяток честных хороших оперативников сработают против террористов лучше, чем дивизия «гаишников», особистов, следователей, дознавателей, судейских и прочих людей в серой и иных цветов форме, которые в лучшем случае не напугают законопослушных граждан своим видом и ненормативной лексикой, не возьмут взятку и вежливо проверят документы или зададут умный вопрос. Но не видно пока ни десятка супер-профессионалов, ни дивизии честных «ментов». И не будет.

Создается впечатление, что те средства, которые выделяются на правоохранителей, тратятся в большей степени на PR, тогда как более полезно было бы направить их на развитие корпоративной культуры. «Ментами», «убойной силой», «агентами национальной безопасности» и прочими, заметим, весьма эффективными техниками и приемами пропаганды можно изменить отношение общества к силовикам. Но нельзя заставить работать эти органы лучше.

Отсутствие профессиональной культуры, кодекса чести профессии, восприятие властной должности как возможности для зарабатывания денег имеют своим следствием коррупцию.

При этом правоохранительное начальство оправдывается всегда очень просто. Дескать, маленькие зарплаты. Повысьте зарплату, перестанут брать, начнут честно служить. Сомнения одолевают. Все мы видели много честных и добросовестных вахтеров, дворников, учителей, медсестер, воспитателей и нянечек в детских садах, работающих на зарплаты, которые много ниже зарплаты сержанта в районном отделе внутренних дел.

Дело в том, что уже сложился определенный стиль работы правоохранителей, суть которого в восприятии своей работы как бизнеса, а профессионального сообщества как бизнес-корпорации. В результате получается, что общество должно правоохранителям, а не правоохранители обществу. И перевернуть с головы на ноги эту систему, судя по всему, нынешняя власть и не может, и не желает, и не способна. Все ограничивается эффективным PR-ом.

О СМИ и свободе слова

Утверждение, что в России практически нет независимых федеральных СМИ, уже несколько лет как стало общим местом. Проблема в тенденции, декларациях и перспективах. Тенденция понятна — страх говорить свободно не просто сохраняется, но и усиливается. Пример главного редактора «Известий» Р.Шакирова показателен.

Декларации имеют обратную тональность. Власть желает развитого гражданского общества. При существовании противоречия между действиями и декларациями перспективы складываются «в пользу» действий. Только в этом случае общество имеет полное право возложить часть ответственности за бесланскую трагедию на молчащие СМИ и глущих журналистов.

О партиях и Государственной Думе

Все партии во время трагедии вели так, как

они и должны были себя повести. Они молчали. Они ждали. Ждали указаний, ждали проявления позиции вышестоящего начальства. И иначе быть не могло. И дело не в том, то современные партии, пожалуй, за исключением идеократической КПРФ, есть партии-проекты. Предполагаю, что иных партий в современных условиях и быть не может. Суть проблемы в качестве этих проектов, в целях и техниках их осуществления.

Основными характеристиками современных проектных партий являются: централизм, жесткая дисциплина, внешний контроль со стороны «проектантов». Отсюда безынициативность и несамостоятельность партийных структур, стремление согласовать любой шаг, боязнь сказать и сделать лишнее, бюрократический стиль работы, стремление в своем верноподданничестве перед «проектантами» быть правовернее любого другого однопартийца, интриганство и т.п. И все эти характеристики были заложены сознательно. Отказаться от созданного трудно, почти невозможно.

Таким образом, либеральный сценарий строительства партийной системы едва ли вероятен. Выбор, скорее всего, будет происходить между, с одной стороны, дальнейшим развитием этих проектов, включением в «эксперимент» с их участием местного самоуправления, изгнанием одномандатников, и, с другой стороны, фиксацией ситуации на «достигнутом» уровне. Последний вариант, несмотря на явно паллиативный характер, объективно предпочтительнее, так как сохраняет больше возможностей для корректировки процесса партийного строительства.

С Государственной Думой ситуация абсолютно аналогична. Молчание во время Беслана — симптом смертельной болезни представительной власти в России. Проект завершен, веет мертвечиной.

О Дзасохове

Роль Дзасохова в бесланских событиях не ясна. С одной стороны, он с очевидностью виноват. Виноват просто потому, что он глава республики, а потому несет ответственность за все, что в республике происходит. Виноват в коррупции в правоохранительных органах. Виноват в том, что его не было среди переговорщиков. Виноват просто в том, что он жив, а дети погибли. Виноват в том, что не подал в отставку сразу же после трагедии. Виноват в том, что цеплялся за власть.

С другой стороны, есть вопросы, на которые ответов пока нет и, возможно, не будет. Правильную ли тактику предлагал Дзасохов, призвав на переговоры Масхадова? И не его вина, что предложение не было принято федеральными властями. Не спровоцировало бы появление Дзасохова в Беслане еще более кровавую развязку? Должна ли гражданская власть, которую олицетворял Дзасохов, выполнять рекомендации спецслужб? Наконец, главный вопрос: сможет ли Дзасохов или кто-то иной может удержать осетинское общество от кровавой мести ингушам и чеченцам?

Отказ Дзасохова от отставки, скорее всего, не просто его личное решение. Можно предположить, что он выполняет задание федеральных властей. Ибо для них, отставка главы Северной Осетии означает признание правомерности требований об их собственном отстранении от власти. «Долой Дзасохова!» в переводе с осетинского на кремлевский звучит как «Долой Путина!».

Наконец, произойдет ли отставка. Все будет

зависеть от настойчивости осетин. Если выдержат на митингах примерно неделю-две, то отставка произойдет с неизбежностью.

О мести

Спросим себя откровенно: мы верим в то, что организаторы и исполнители будут найдены и понесут наказание? Думаю, что большинство граждан России ответят отрицательно на этот вопрос. Не обладает наша власть тем символическим потенциалом, который изменил бы это мнение. Не верят люди власти. Символический потенциал В.Путина также поблек. В результате произошла нравственная легитимация мести. И сегодня все тоже самое большинство граждан России ждет этой мести, заранее оправдывая ее бездействием закона.

Об ограничении прав

Нам говорят, что мы должны поступиться своими правами. Поступиться ради безопасности. Какие же права у нас хотят забрать в добровольно-принудительном порядке? Право на свободу слова? Право на получение информации? Право знать то, что делают люди, которых мы и выбирали? Право на свободу передвижения? Право на неприкосновенность частной жизни? Право на свободу выбора?

Но давайте спросим себя: А эти права у нас были? Или точнее: имеем ли мы столько прав, что от их избытка мы можем смело отказаться. После 11 сентября в США также начались дискуссии о необходимости введения некоторых ограничений для обеспечения безопасности. Но стартовые позиции для ограничений были несколько иными. Вопрос ставился не о свободе передвижения, не о праве на получение информации, не о свободе слова и т.п., а всего лишь о возможности введения в стране общенационального удостоверения личности. Заметим, что и такая мера была расценена многими как существенное ограничение свободы.

С учетом наших, весьма слабых с точки зрения защиты прав человека стартовых позиций, любое новое ограничение означает очередной шаг к временам самиздата, кухонной оппозиции и т.п. Причем каждый следующий такой шаг, каким бы малым он ни казался, приближает к этим временам быстрее, чем предыдущий. В результате общество, оказавшись заложником этих шагов, может уже не суметь выйти из подчинения их логике. Точно также велосипедист на трекке обязательно должен ехать быстро, остановка грозит ему падением.

Кроме того, приведет ли ужесточение действий режима в отношении граждан к ожидаемому результату и повышению уровня безопасности? Нет, нет и еще раз нет. И введение новых жестких норм по передаче и продаже транспортных средств, и ужесточение регистрационных правил, и ограничение въезда в столицы, и установление некоего контроля на административных границах субъектов РФ, и иные аналогичные ограничения просто-напросто приведут к увеличению коррупционных отчислений со стороны бизнес-акторов и простых граждан. В свою очередь, эта системная коррупция будет только способствовать терактам, ибо она кровно, финансово заинтересована в новых ограничениях и следом в новых финансовых вливаниях. Так, с чем и кем нам предлагают бороться? И за что? За возврат к самиздату? За все более тесный союз коррупции и террора? За экономическую и политическую автаркию регионов? За развал единого политического, административного и эконо-

мического пространства России? За видеокамеры в каждой квартире и жучки в каждом телефоне? За страх сказать что-то отличающееся от линии партии и генерального ее секретаря? В задницу такое ограничение прав и такую якобы безопасность!

О катастрофе и преемственности власти

Начиная с середины 90-х. гг., а то и раньше, российское общество пытаются буквально парализовать разговорами о гражданской войне, грядущей социальной или техногенной катастрофах. Вроде ничего особо страшного в этом нет. Лишние бдительность и ответственность не повредят. Но за этими словами вновь стоит СТРАХ и ожидание страшного.

При этом все мы должны понимать, что страх имеет свою оборотную сторону — стремление к ужесточению режима, стабильности и обеспечению преемственности власти, ее передаче «по наследству». Под действием страха преемственность власти выглядит уже не просто как технология, а как политическая неизбежность.

Страх стал нужным власти, которая желает воспроизводиться бесконечно. Власть сама начинает порождать страх. В обществе страха террористы не только подрывают доверие к власти, но и обеспечивают механизмы ее воспроизводства. В свою очередь, эта воспроизводящаяся власть, лишенная нравственной легитимности, восполняет нехватку доверия порождением и трансляцией новых страхов, с одной стороны, и антидепрессантными шоу, с другой. Технологии в результате заменяют политику.

Следствие этого — бюрократизации государственного организма и неизбежное умирание демократических механизмов.

О международном терроризме

Много было слов о международном терроризме. К чему они и зачем?

С одной стороны, это оправдание собственной импотенции. Если, мол, даже США не могут поймать лидеров Аль-Каеды, то и нам это позволено. Власть всегда склонна преувеличивать масштаб стоящих перед ней задач. Это позволяет осваивать больше средств, размножаться, срывать аплодисменты в случае удачи и оправдаться в случае провала.

Вторая причина связана с попыткой заручиться поддержкой мирового сообщества. Заручились. Даже исламские лидеры, известные своими радикальными взглядами, осудили убийство детей. Отныне, надеемся мы, чеченский терроризм не будет освящен знаменами джихада. И это реальное достижение.

Правда, Запад, помимо всего прочего, как обычно, решал свои задачи. Буш, например, делал себе рейтинг. И весьма успешно. Одновременно с этим, ведущие американские СМИ усиленно старались не называть Масхадова террористом, а Великобритания всячески транслировала точку зрения Закаева на трагедию в Беслане. А уж он комментировал... Но это уже издержки тактики.

Стратегические проблемы видны в двух направлениях. Первое из них — признание международного характера кавказского терроризма дает Западу аргументы для активного физического (прежде всего, военного) присутствия на Кавказе и вмешательства в процесс урегулирования ситуации в Чечне. Здравствуйте, лорд Джадд! И пригласили его

мы сами. Второе связано с нашими отношениями с исламским миром: солидарность с Бушем и его политикой в Ираке и Афганистане означает как минимум напряженность в отношениях с большинством исламских государств.

Стоила ли овчинка выделки?

О кадровых перестановках

Едва ли нас ждут кадровые изменения. Во-первых, В.Путин просто не склонен к резким кадровым перестановкам. Ельцинский стиль кадровой политики не для него. Во-вторых, у В.Путина нет оснований для отставки Правительства и его чиновников, так как весь силовой блок подчинен лично ему самому, а потому любая отставка руководителя силового ведомства есть не что иное, как признание своей собственной некомпетентности. В-третьих, у силовиков и Путина всегда есть аргумент о том, что после формирования нового кабинета прошло не так много времени, и люди просто еще не успели навести порядок в своих ведомствах. Наконец, у Путина нет кадрового резерва. Команда себя исчерпала.

С другой стороны, именно от Путина ждут кадровых решений и прежде всего в форме отставки. И Путин должен, действуя по законам PR и виртуальной власти, оправдать эти ожидания, но оправдать виртуально. Иначе чем он подтвердит свои резкие заявления о коррупции, необходимости реформы и т.п.? Именно отсюда медийное отпиаривание указа Путина об отставках североосетинских силовиков, один из которых добивался этой отставки сам. Его, видимо, просто попросили подождать до указа.

Показателем желания перемен стала бы отставка тех лиц в администрации президента, которые разрабатывают и принимают решения и которые олицетворяют сам режим Путина, его курс. Таких как В.Сурков, Д.Медведев, А.Вешняков и прочих. Но это невозможно по определению.

О политических технологиях

Виноваты технологи и технологии — говорят сегодня некоторые аналитики. Дело не в технологиях. Без политических технологий нельзя. На них держится мировой порядок. Нужно просто признать, что виновата не технология, а цель, ради которой эта технология используется. Дело в нравственности этой цели.

Например, с точки зрения политических технологий поездка В.Путина в 4 часа утра в Беслан абсолютно оправдана. Незачем Президенту РФ встречаться с убитыми горем родителями. Не может он ничего им ответить. Но не съездить в Беслан Президент не может. Вот и едет ночью. Все технологично.

Об организованных митингах протеста не хочется даже говорить.

В кризисных ситуациях, когда на излом проверяется нравственность всего народа, традиционные технологии должны быть заменены простой человечностью. Нужно перестать быть функцией. Даже человеку, который считается негибким гарантом. Если высокопоставленные технологи этого не понимают, то грош им цена.

Меня часто спрашивают о том, что такое «черный PR». Теперь я знаю ответ на этот вопрос абсолютно точно: PR на фоне детских могил и плачущих матерей.